

Дракон в отпуске

КОНКУРСНЫЕ РАБОТЫ

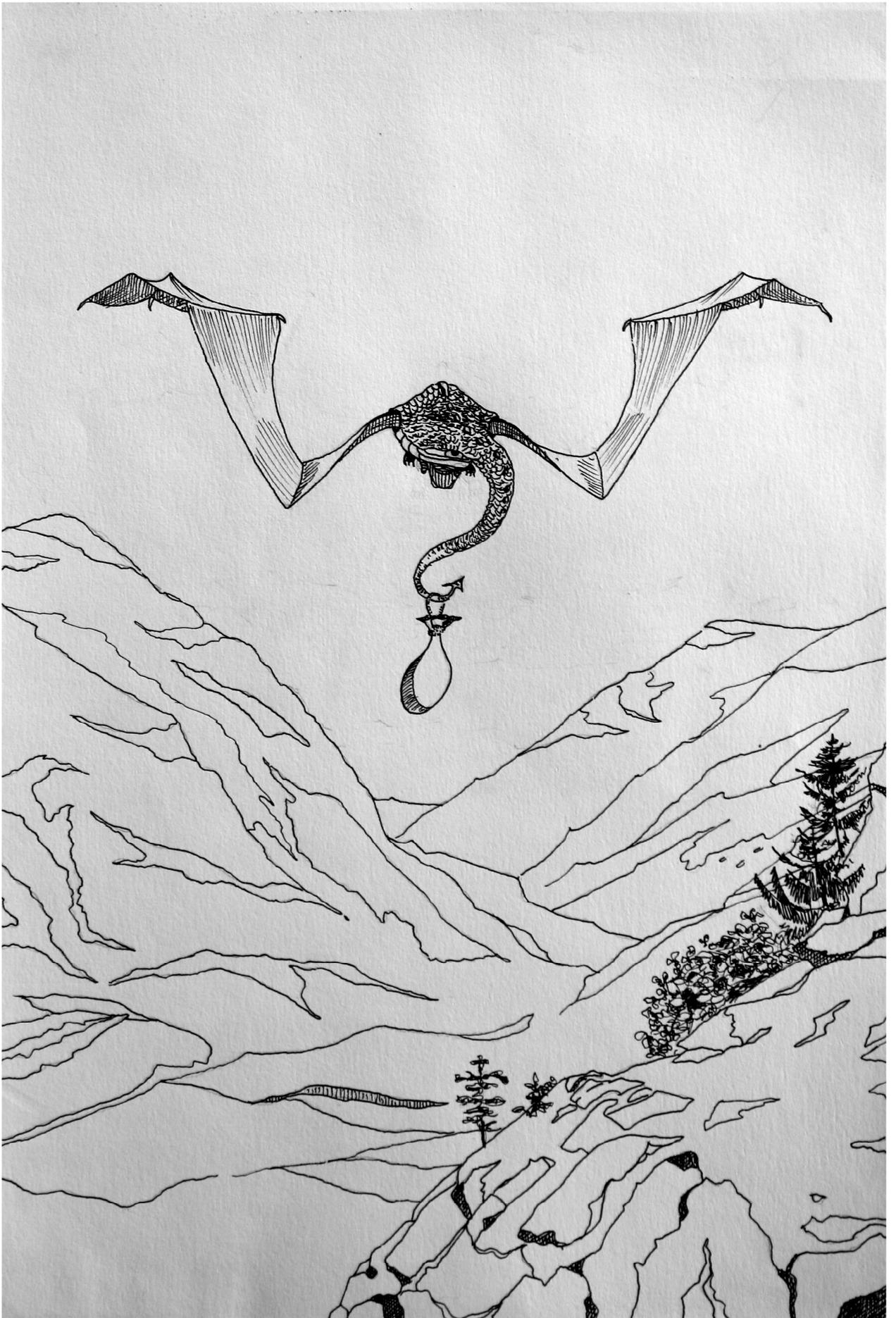
Иллюстрации

Самка Контролера (I место)

Askelia (II место)

Корник (III место)

Нника

Стихи

№1.

Прогресс летит быстрее пули,
Сметая пыль былых веков:
Людишки здорово шагнули
В созданы всяческих станков.

Престиж драконов канул в Лету —
Таких людей попробуй тронь:
У них есть танки и ракеты —
Что им драконовский огонь?

Ещё при кремневой фузее,
Продувши людям все бои,
Пришлось драконам сдать в музей
Клыки и ценности свои.

И вот, спустя века и годы,
Дракон, как старый сталевар,
Чугунный плавит на заводе
И в ипотеку взял ангар.

Жена, невестка, сын и внучка,
Табак, вино, валокордин...
Живёт с получки до получки,
Ругая цены на бензин.

№2.

Устал ты от службы? Достала принцесса?
Совсем опостылел презренный металл?
Дракон, отдохни! Все проблемы — от
стресса!

Э-э-э... Что, непонятно? Ты просто
устал!

Смотри-ка, что есть: этот славный
буклетик

Намедни с дра... В лавке в подарок я
взял.

Написано: «Нет лучше мест на планете».
Знакомый дракон это мне подтверждал.

Тут даже написаны координаты,
И есть фотография-ориентир.

Ой-ой, благодарностей вовсе не надо!
Приятного отдыха! Ну же, лети!

А если отпуск замаячит
В разрыве мая с сентябрём, —
Дракон горбатится на даче,
Рыхля когтями чернозём,

Растит картошку и капусту,
Морковку, свёклу и укроп,
Чтоб в кладовой не стало пусто,
Зимой питаться было чтоб.

И за улыбкой скрыв досаду
От дорогих семейных лиц,
Он тащит банками рассаду,
Он ищет плёнку для теплиц,

На черенок сажает вилы,
Таскает воду с дальних рек...
И так до старческой могилы,
А у драконов — долгий век.

Бюджет Росии (I место)

Дракон улетел, окрылённый надеждой
Впервые за тысячу лет отдохнуть.
А рыцарь Василий шагнул смело между
Колонн, от которых к принцессе вёл
путь.

В миру — мерчендайзер, Василий-
пройдоха,
Считал: будь хитёр, и ты — непобедим,
Уже предвкушая друзей ахи-охи
Под сказ, как дракона сразил он один.

... Дракон, закопавшись в прибрежный
песок,
Блаженно под солнышком греет свой бок.
А рыцаря доля теперь тяжела:
Принцесса та — редкой заразой была.

Алаис (II место)

№3.

Дракону очень надоело -
Долгёшенько
И спать и есть, и есть и спать.
Такое милое ль дело -
Одинёшенько
В пещере у 13 морей жизнь зазря
спускать.

И крылья есть, и ноги носят,
И взгляд остёр, как у орла,
Сердцедуша полной гармонии просят,
Эх, решает он — отпуск, была не была.

Собрался утром спозаранку,
Оставил ворох сокровищных дел,
Влез на счастье в костюм наизнанку,
И полетел, и полетел.

Пропал на многие он годы,
Не слышно было о нём ничего.
Подточили его пещеру воды,
Утаскивая все сокровища на дно.

И вот однажды в тихий летний вечер -
Пронёсся гул по тихим по морям,
Дракон вернулся — счастьем весь
расцвечен,
Улыбаясь знакомым и родным местам.

Под лапку с ним летела драконесса,
Бывшая когда-то чья-то там принцесса.
Сразу пошла к морскому царю,
Так, мол, и так, верните сокровища,
молю.

Муж, так и так, весь исхудал,
Без сокровищ — весь откорм пропал.
Ему б хоть с жемчугом корзинку,
А то спишь, как с невидимкой.

Я боюсь его просто раздавить!
Велите наше имущество воротить.

Царь оглядел недавний ремонт,
Переделать — дел невпроворот.
Что упало, то пропало,
Да и жемчуг вернуть — уже не мало.

Так и стали они с тех пор поживать,
С корзинки жемчуга вновь сокровищами
прирастать.

В следующий отпуск решили взять
вылупившихся детей,
Отпуск — всё ж отпуск, даже, если
живёшь у 13 морей

Принцесса Снега (III место)

Проза

№1.

Высокий нечеловеческий крик разнёсся над улицами, заглушая хор сотен паникующих горожан и набат колоколов. Он напоминал визг ястреба, усиленный в тысячу раз. Никогда ещё я не бежал так быстро. Улицы проносились мимо меня вместе со спасающимися людьми. Скоро я увидел чудовище, оседлавшее городскую стену. Огромный ящер извергал из пасти огонь, поливая им деревянные дома. Дракон?!

— Цельтесь в глаза! — проорал я отряду.

Глаза у твари были огромными, жабыми. Мы подбежали настолько близко, насколько хватило духу — дальше улица сгорала. Не чуя рук, я оттянул тетиву и выпустил стрелу в сторону морды ужасающей твари. Полетели стрелы парней. Я не увидел, попал ли хоть кто-нибудь — через мгновение дракон легко спрыгнул в горящий ад прямо перед нами. Я нырнул в переулок. Ударил в уши драконий визг, стало жарко. Кто-то закричал. Я увидел объятого пламенем солдата — тут его накрыла чудовищная тень, и он исчез. Тяжёлое хлопанье крыльев всё затихало, пока не уступило место крикам и треску пожара.

На нижнем уровне подземелья всегда так затхло и сыро, что почти нечем дышать. Здесь сидят всего три человека: серийный убийца, конокрад и колдун. За всё время, что я служу в страже, только последний провёл здесь дольше пары месяцев — остальные отправлялись в петлю. Колдунов редко казнят из-за суеверия: говорят, за них мстят тёмные силы. Не знаю, правда ли это.

В отличие от остальных постояльцев нижнего уровня, колдун ещё был кому-то нужен: дочь лет двадцати носила ему передачи чуть ли не каждую неделю на зависть остальным. Её звать Рона — мне всегда почему-то казалось, что от слова «ворона». Она удивительно хорошо разбиралась в аптечных травах и этим зарабатывала на хлеб, а главное, не имела никакого отношения к развлечениям отца. Непонятно, откуда у отморозенного упыря такая дочь. В страже к Роне уже привыкли, и спокойно разрешали посещать его.

В тот день Рону вниз отвёл я. Мы спустились с фонарём по длинной каменной лестнице и прошли немного по узким коридорам. Помню, попав сюда в первый раз, я струхнул от такой тесноты: в полумраке казалось, что стены приближаются и вот-вот раздавят тебя в лепёшку. Дочь колдуна тоже держалась робко и тихо, будто из уважения к тяжёлой тишине подземелья.

— Капитан Ардик! Какие люди! — с широкой улыбкой поприветствовал меня колдун, когда я распахнул дверь его камеры.

— Доброе утро, Фаж.

— А сейчас что, утро?

— Будешь следить за временем суток, когда поедешь в столицу, — поддразнил я его.

Ухмылка мигом сменилась гримасой. Фажа всё собирались переводить в более цивилизованную тюрьму, потому как в нашем городишке башен для заточения волшебников нет. Колдуну такая перспектива явно не нравилась.

Это я арестовал его четыре месяца назад, предварительно обездвигив ударом в живот. Он меня ненавидит. Не то чтоб я чувствовал себя виноватым — колдун тогда у

меня на глазах превратил живого человека в горку ледяной пыли. Горка была примелькавшимся в том районе города пьяницей, ранее безобидным, а теперь вдруг позарившимся на девчонку Фажу, когда Фаж проходил с ней по улице мимо его канавы. Я, само собой, собрался вмешаться, но когда добрался до них, вязать уже надо было вспыльчивого отца.

Я не сожалел о смерти бедолаги, но меня раздражала лёгкость, с которой Фаж пустил в ход эту ужасную силу. Да, для защиты, но в глазах всего города он остался очередным приезжим чернокожишкой, испепеляющим людей за здорово живёшь. А потом они удивляются, почему люди кидают в них камни.

Рона протиснулась между моим плечом и косяком двери.

— Папа! — она бросилась ему на шею.

Лицо Фажу разгладилось. Ему едва за сорок, но выглядит он глубоким стариком. Длинные жидкие волосы были бы белыми от седины, если бы не грязь. Колдун с видимым удовольствием зарылся носом в чёрные кудри Роны. Обнять её он не мог — его руки сведены и сжаты в кулаки за спиной грубыми колодками. Это всё, что мы здесь можем предпринять против колдуна.

Рона стала привычно доставать из свёртка еду, наверняка ещё тёплую из трактира, и запечатанный кувшин с пивом. У меня самого заурчало в животе.

— Ну как у тебя дела идут? — спросил Фаж у Роны, впери в неё жадный взгляд. Однако он тут же перевёл его на меня. — А ты так и будешь тут торчать и смотреть?

— Дракон напал на город. Вот думаю, может, ты сможешь что-нибудь сказать на это.

— Превосходно! А единороги не нападали?

— Нет, только дракон. Огромная такая крылатая ящерица, — я примерно изобразил её очертания пальцем в воздухе, — прилетела, спалила пару кварталов и улетела обратно.

— Это правда, — тихо сказала Рона.

Лицо Фажу вытянулось. Несколько секунд он о чём-то размышлял, глядя в мои честные глаза, а затем в его взгляде блеснула искорка.

— Ждите его ещё раз. Короткий осторожный набег, верно? Тогда не думайте, что легко отделались.

— Ты тоже под ударом, знаешь ли.

— Я в тюрьме! — почти закричал Фаж. — И ничем помочь не могу при всём желании! Да и не желаю. Собирайте на него армию. Да побольше. А теперь выйди за дверь, пожалуйста, ты не обязан обыскивать мне рот, когда я ем.

Ожидая за дверью камеры, я слышал только, как Фаж взволнованно перешёптывается о чём-то с дочерью.

Когда свидание было окончено, мне кое-что пришло в голову. Я повёл Рону вверх по лестнице, украдкой на неё поглядывая. Интересно, она всегда такая смиренная или только здесь?

— Рона.

— Да? — встрепелась девушка.

— Твой отец много знает о драконах?

— Я... не уверена. Он не посвящал меня в... свои дела.

Ещё вчера я бы одобрил это. Я помолчал, осторожно формулируя фразу. Авантюра была опасной.

— Скажем так, если я добьюсь его освобождения из тюрьмы, он сможет помочь нам защититься от дракона?

Рона нахмурилась и поджала губы. Несколько секунд я молча шёл рядом с ней и ждал. Затем девушка остановилась и неожиданно заглянула мне прямо в глаза. Теперь её голос звучал куда твёрже:

— Он силён, но... не боец. Его легко разозлить, он может поднять руку на человека, но выйти на поединок с чудовищем... — она покачала головой. — На свободе он попытается обезопасить себя. В лучшем случае сбежать.

— Но за городскими стенами от дракона далеко не убежишь.

Рона кивнула.

Чем можно сбить с неба такое чудовище? Баллисты слишком медлительны, луки и арбалеты слишком слабы. Никто не готовился к подобной напасти.

Проклятье! Чёрт дёрнул меня сказать о колдуне князю Тилану. Он приказал удвоить караулы на стенах. Наверное, чтобы подкормить дракона. Я пытался вразумить его, говорил, что нам нужно вытащить чёртова колдуна на восточную стену — а именно с этой стороны прилетает дракон, — взять его под прицел и заставить бить по твари своей магией. Я видел, как он обращает человека в лёд. Что помешает ему заморозить крыло дракона? Но нет же — преступник должен сидеть в тюрьме, а я должен заткнуться и надеяться, что мою красавицу-жену не спялят заживо во время следующего налёта! Мы должны обороняться и ждать помощи из Баржи! Прекрасный план. Надеюсь, гонца не сожрут по дороге.

Через шесть дней после визита Роны в тюрьму я зашёл к колдуну один. Когда я отомкнул замок и распахнул дверь, Фаж уже ждал меня стоя посреди комнаты. Лицо кирпичом.

— Ну? — он прищурился и взгляделся в темноту мне за спину.

Я вдруг почувствовал смертельную усталость. Прикрыл глаза и сжал пальцами виски. Кажется, только в этот момент — стоя лицом к лицу с несчастным отцом и сумасшедшим чернокнижником — я до конца осознал, *что* собирался ему сказать.

— Он напал ещё два раза. Сжёг аптеку, в которой она работала. Дотла. Я подумал, ты должен знать.

Фаж будто весь сжался.

— Что? — сипло спросил он. — Она была там?

— Да. Торговала.

Колдун сел на койку. Сделал несколько нервных движений плечами, будто попытался высвободить руки из колодки за спиной.

— Я же говорил ей, — Фаж закричал, — я ведь велел ей спрятаться, спуститься в подвал! Она не могла остаться на поверхности! Это самоубийство! Она что, дура?!

— Подвалов не хватит на всех. Видел бы ты, как за них грызутся, — слова самостоятельно срывались с моих губ, а я просто наблюдал.

— Ну конечно, — узник вскочил с койки и принялся метаться по камере, всё пытаясь вырвать руки из тисков. — Решила остаться и помочь раненым?! Как благородно!

Он с силой приложился лбом к стене. Притих. Затем спросил уже со странным спокойствием в голосе:

— Она могла спастись?

Ещё одна нелёгкая пауза.

— В аптеке полно горючих настоев. Она сразу превратилась в преисподнюю.

Чёрт, ляпну же такое... Однако Фаж больше не шевельнулся. Так и стоял лицом к стене.

— Сдаётся мне, дракон пришёл за мной.

Этого я не ожидал.

— Что?

— Говорю, ему нужен я, глухой ты идиот! Этот демон, судя по всему, из огня. А я черпаю энергию из ледяных планов. Я для него как... А, что тебе объяснять!

— Подожди-ка...

— Пошёл вон!!! Ну, чего стоишь? Иди, расскажи всем, пусть вынесут меня и оставят дракону на обед! Мне плевать!

Я молча вышел и запер за собой дверь. В темнице раздалась новая серия стариковских воплей и причитаний.

В последний раз я вошёл в его темницу этой же ночью, незадолго до утренних сумерек.

— А, ты решил сделать это лично? — с готовностью встретил меня Фаж. На его сером лице читалось что-то среднее между равнодушием и безумной весёлостью. Я в очередной раз внутренне ужаснулся тому, что может происходить в голове этого сумасшедшего.

— Князь не решится на что-либо, если король не напишет об этом в Законе и не отошлёт нам копию. Считай это тюремной прогулкой.

Фаж скривился.

— В пасть дракона, а?

— Жертвоприношение мне не по нутру, — я переборол желание сжать руку в кулак. Решение было нелёгким. — Ты пойдёшь с нами и используешь своё колдовство, чтобы убить дракона. Говоришь, он чувствует тебя?

— За версту, — Фаж прищурился. — А если я откажусь?

Настал мой черёд кривиться.

— Даже не начинай!

Я чувствовал, что он тоже желает смерти чудовищу. Он пойдёт со мной сам.

Я вывел колдуна из темницы в коридор.

— Лицом к стене. Я снимаю кандалы. Никакого волшебства, ты под прицелом.

— Не нуди, Ардик, — злобно прорычал Фаж, — мы ведь уже почти друзья.

Он встал к стене и повернул голову в сторону, где стоял мой товарищ с арбалетом на взводе.

— Доброе утро, Спарроу.

Спарроу отсалютовал, не выпуская оружия. Шрам на брови придавал ему жутковатый вид: казалось, что он всё время неодобрительно щурится одним глазом. Когда колодки упали, Фаж со стоном вытянул руки перед собой и пошевелил длинными бледными пальцами.

— Какие же вы всё-таки сволочи.

На эту безумнейшую авантюру я взял с собой самых верных людей. Капралы Дарибин и Адан, сержант Каркин и лейтенант Ройн — с ними я бы не побоялся пойти на самого дьявола. Кроме них — полтора десятка солдат. Из тех, кому доверяли они. Открытая ненависть и отвращение к чудовищу, холодное понимание необходимости убить его, боль от потерянного близкого — в глазах солдат разными оттенками светилось одно и то же стремление. Других мы бы не взяли.

Когда мы прошли через город и распахнули Восточные ворота, факелы были уже не нужны — небо посерело. Мы вышли искать дракона не наудачу: он нападал на город примерно раз в три дня. Сейчас начинался третий день с тех пор, как чудище сожгло аптеку Роны вместе с половиной квартала. Город стал похож на больного чумой, покрытого чёрными язвами. Отряды добровольцев с телегами патрулировали улицы, чтобы мгновенно останавливать пожары.

Фаж требовал, чтобы ему показали аптеку, и я согласился — она была по пути. Я видел, как парни хмурятся и сжимают кулаки, проходя мимо этого места. Колдун же молча смотрел на пепелище. От здания просто не осталось ничего.

Мы вышли из-под защиты городских стен. К востоку от города лесов практически не было на многие километры, сплошные каменистые равнины с редкой растительностью. Деревень нет, лишь редкие кучки домов. Все сгорели.

Я, офицеры и колдун ехали верхом, при этом Фаж всегда оставался на другом конце арбалета Спарроу — наверное, самого бдительного засранца в королевстве. Мы двигались в тяжёлой тишине, пока он неожиданно не заговорил:

— Самое время колдуну рассказать нам, что же из себя представляет этот дракон.

Фаж обернулся на своего надзирателя и презрительно скривился.

— Конечно, он как раз много о себе рассказал, когда мы пили с ним чай в его небесном дворце. О них известно мало. Они из других миров, как ледяные гиганты или кровососы. В них другие законы: как вам, возможно, известно, в нашем мире мало кто плюётся огнём или разгуливает после смерти. Но я понятия не имею, каким образом их сюда забрасывает. И никто не знает. Может, для нашего дракона это отпуск: просторно, никакой конкуренции, закуска только бегаёт и орёт...

— Закрой рот, магик! — взвился Ройн, всегда напоминавший мне пастушка из-за своих светлых кудрей.

Колдун тут же перевёл взгляд на него.

— О, на твоём месте я бы сам не открывал его. Прохладно тут, можно и язык отморозить.

— А можно и болт задницей поймать, — вставил Спарроу.

— А ну тихо всем! — прикрикнул я. — Смотрите.

По восточному горизонту протянулась небольшая скальная гряда. Проклятая тварь двигалась на нас прямо оттуда.

— Ну давай, — пробормотал Фаж и поднял руки.

— Спешиться! — приказал я. — Разойтись!

Офицеры разбежались в стороны, уведя с собой каждый по пятёрке солдат, как мы обговорили заранее. Только Спарроу остался с колдуном, так и не слезшим с лошади, в центре. Я боялся хоть на секунду задуматься, насколько самоубийственно было выходить против чудовища в чистое поле.

Дракон вошёл в пике над колдуном и пронзительно закричал. Из его пасти вырвалась было струя пламени, но Фаж взмахнул руками, и огонь просто коротко лизнул драконью морду. Тварь пролетела мимо, и вслед ей посыпались стрелы отрядов Ройна и Каркина.

— Раньше надо было! — крикнул колдун. Лошадь под ним заплясала, но на удивление легко успокоилась.

Дракон лихо развернулся в полёте, и в мгновение ока на месте отряда Каркина осталась полыхающая дорожка. Струи его адского огня были такими тугими, что сразу разрывали на части и сплавляли солдат с их доспехами. Чудовище село на островок пламени и, повернув огромную башку, уставилось на Фажу тупым жабым глазом.

— Не дай ему взлететь! — проорал я колдуну.

Со своим отрядом я побежал к левому боку ящера, Дарибин с людьми заходил с другой стороны. Дракон вздыбился и закричал, виляя головой. Его глаз тёл. Я мельком увидел, как Спарроу перезаряжает арбалет, спрятавшись за пассующим руками колдуном.

Дракон повернулся в сторону зрячего глаза, откуда на него уже насели люди Дарибина, и с визгом выпустил на них обжигающую смерть. Бок дракона был покрыт блестящей чешуёй. На него сыпались стрелы. Некоторые даже входили в эту броню, но не причиняли твари видимого вреда. Я с размаху ударил мечом по сложенному крылу. Потекла дымящаяся кровь, но кость осталась невредимой. Мои парни тоже стали рубить и резать перепонки клинками, как разбойники, вскрывающие шатры.

Ящер повернулся к нам, и его визг перешёл в хрип — Фаж снова помешал ему. Готов поклясться, я увидел, как забелел иней на шее твари. Удар — и после короткого полёта я оказался на земле. Дракон отбросил нас крылом и тяжело взлетел. Кираса казалась мне невероятно тяжёлой, когда я вставал.

Чудовище всё кричало, сводя с ума, и его крик слился с криком Фажы. Дракон, кажется, решил просто раздавить назойливого колдуна собой. На полпути в его полёте что-то сломалось, и он уже скорее падал, чем летел. Фаж каким-то чудом вынул ногу из стремени и выпрыгнул из седла до того, как чудовище вмяло лошадь в камни. Колдун неуклюже отполз в сторону от взбрыкивающих крыльев, развернулся и указал белыми трясущимися пальцами на тварь. Мы все сбегались к ним.

Дракон чудовищно захрипел, ни одного языка пламени не вырвалось больше из его глотки. Единственный глаз был покрыт коркой льда, голова была белой от изморози, но тварь всё ещё пыталась дотянуться до Фажы зубами. Подбежали солдаты, стали вонзать мечи и копья в шею и морду чудовища. Слишком неосторожно — пасть молниеносно сомкнулась на Адане. Захрустело так громко, что меня чуть не стошнило. Дарибин с воплем вонзил пику в глаз дракону до половины древка. По чудовищному телу побежали судороги. Ещё долго стражники в каком-то диком исступлении рубили его, пока дракон не замер совсем.

Мои руки тряслись. Я обернулся и подошёл к Фажу — тот лежал на земле. Спарроу склонился над ним и прижал палец к его горлу.

— Ещё дышит, — сообщил он.

Руки колдуна ужасно изменились: белее мела, исчерченные тёмными сосудами, они истончились до костей. Будто за заклинания Фаж платил собственной плотью.

У ворот нас ждал весь город — битву было видно со стен. Нас встречали как героев, осыпая восхвалениями и шапками. Но от толпы меня тошнило, хотелось только выпить и уснуть на неделю.

Не глядя ни на кого, я повёл лошадь, через которую перекинул бесчувственного колдуна, в сторону госпиталя. Скоро, как я и предвидел, из толпы вынырнула чуть не плачущая Рона. Её лицо было слегка обожжено, а чёрные кудри обрезаны примерно на три четверти прежней длины. Она подбежала к Фажу и вскрикнула, увидев его руки. Затем повернулась ко мне.

— Он... он сразился... с ним! — девушку потряхивало, она потрясённо сверлила меня взглядом тёмных глаз. — Как?.. Как вы?..

— Он думал, что ему нечего терять.

Рона действительно была недалеко от аптеки в момент нападения дракона и оказалась в госпитале с ожогами, не угрожавшими, впрочем, её жизни. Я не мог не воспользоваться случаем.

На лице девушки отразилось понимание. Возможно, разозлится на меня позже. Сейчас она только подхватила лошадь под уздцы и уверенно повела её дальше, велев мне пойти домой и отдохнуть. Даже не помню, как я туда добрался и как Лили уложила меня спать.

Князь Талин вполне мог прогнать меня из стражи вашей, если не упечь в подземелье за «организацию побега особо опасного преступника». Однако мой не совсем заслуженный статус героя в глазах народа не позволил ему это сделать.

У Лили начал округляться живот, я и не заметил во всей этой суматохе. Я внутренне ликовал, осознавая, что женщина, ради которой я готов убить сотню драконов, растит мне сына — она говорит, что это сын. И с каждым днём во мне крепла уверенность в том, что пора найти себе другое ремесло — уехать поближе к столице, подальше от полудиких земель, где в лесах видят русалок и кикимор, а в небе летают драконы. Когда мне дали добро на отставку, я вернулся домой, поцеловал Лили и сообщил, что мы можем уехать. Нужно было покончить с этим до того, как ей станет тяжело путешествовать, поэтому меньше чем через неделю мы присоединились к торговому каравану и уехали, нагруженные прощальными подарками от горожан, прознавших обо всём.

Когда мы уезжали, Фаж всё ещё лежал в больнице — кажется, ему всё-таки ампутировали руки. Рона верно за ним ухаживала. Больше я никогда не слышал об этих двоих.

Арчи Демон (II место)

№2. Магия и немного картошки фри

В день, когда вернулись драконы, было ещё по-летнему тепло, и солнце лениво щурилось сквозь облака на город.

Дженни опаздывала: каблук цокала по мостовой, высекая искры-секунды. Город смотрел на неё с осуждением, поблёскивая стёклами окон. Небоскрёбы тянулись ввысь, стройные и надменные в своём величии, и им не было никакого дела до непутёвой Джен.

Цок-цок-цок — разносилось в утреннем воздухе. «Стив меня убьёт», — вертелось у Дженни в голове. Она была официанткой — флисовая юбка, дурацкий бейджик всегда в кармане, «Да, сэр», «Вот ваш кофе, сэр», — и эта работа её убивала. Каждый вечер Дженни стояла под душем, вымывая запах картошки фри, и клялась её бросить. Бросить — и отправиться хипповать куда-нибудь на побережье Флориды. Но гора старых счетов и писем, сваленных на тумбочке в прихожей, всякий раз удерживала её. И поэтому по утрам Дженни неизменно собирала каштановые кудри в высокий хвост, втискивалась в малиновую юбку и выпархивала на улицу.

Цок-цок-цок. Она обогнула автобусную остановку на углу — клеть из стекла и железа, солнечную тюрьму, — и свернула на Кингс-стрит. Бродяга, развалившийся на ступеньках ближайшего дома, булькнул что-то про мелочь. Дженни не удостоила его даже взглядом.

«И когда всё пошло не так?» — отстранённо подумала она, одёргивая юбку и щурясь на светофор в конце улицы. Тот мигнул, загорелся красный — Дженни стиснула зубы, чтобы не закричать.

Цок-цок-хруп — каблук попал в канализационную решётку, нога выгнулась, и девушка зашипела от боли. Проклятье!

«Когда всё пошло не так?»

Пару секунд Джен повертела сломанную туфлю в руках, потом вздохнула, убрала её в сумочку и сняла вторую. Мостовая холодила ноги; мужчина в деловом костюме, торопившийся мимо, бросил на неё сочувственный взгляд.

«Когда?..»

Дженни, пожалуй, даже знала ответ на этот вопрос. Радость утекала из её жизни понемногу, это Джен заметила давно и теперь могла точно сказать, что пять неудачных романов, три съёмных квартиры, два неоплаченных кредита и одну аварию назад она была гораздо счастливее. Шрам на плече, который Джен получила в той аварии, теперь закрывало чернильное “Принцесса”, но его всё ещё можно было разглядеть за вычурной вязью букв. Дженни поёжилась, свободной рукой огладила плечо и убрала в сумку вторую туфлю. Людской поток обтекал её со всех сторон, менеджеры, юристы и брокеры бесшумной толпой собирались на переходе. Загорелся зелёный. Девушка сделала шаг — город раскрыл ей свои асфальтовые ладони, и тут её окликнули:

— Мисс! Эй, мисс!

Дженни обернулась на хриплый голос. Бродяга всё так же сидел на ступеньках дома, но теперь воздух вокруг него — Джен прищурилась — дрожал и поблёскивал, точно стекло в витрине через дорогу. Мужчина улыбнулся ей, сверкнув золотыми зубами, черты его лица исказились, поплыли, и свет хлынул на Дженни мощной слепящей волной. Рядом высоко закричала женщина.

— Это бомба, — успела подумать Джен, — это бомба, и я умру.

Она рухнула вниз, закрывая голову руками, и приготовилась к боли. Но та всё не приходила.

— Открой глаза, детка, — низкий рокот сотряс город.

Джен разлепила веки. Дракон возвышался над ней, перегораживая всю Кингстрит, и его золотая чешуя отражалась в окнах небоскрёбов. Дженни сморгнула; ящер склонился к земле, вытягивая длинную шею, сложенные крылья мазнули по мостовой. Джен увидела своё отражение в огромных змеиных зрачках и попыталась отползти. Дракон фыркнул.

— Это не... не... — начала было лепетать она.

— Невозможно? — услужливо подсказал дракон.

Дженни беспомощно закивала, чувствуя, как голос чудовища отдаётся в её костях. Краем глаза она заметила, что люди вокруг замерли, скованные ужасом: нелепые статичные позы, лбы блестят от пота, глаза распахнуты — и пусты.

— Я... сплю?

Дракон ухмыльнулся, а затем вытянул вперёд лапу с матовыми когтями — Джен жалко пискнула и зажмурилась, прижимая сумку к груди.

— Ты совершенно права, принцесса. Ты спишь. Вы все спите. И уже очень давно... Но мы это исправим. — Кончиком исполинского когтя он подцепил резинку, стягивавшую её волосы, и высокий хвост рассыпался водопадом кудрей. Дженни вздрогнула. — Ты слишком долго спала, принцесса. Проснись. — Дракон мягкодохнул ей в лицо. По спине Джен побежали мурашки, она открыла глаза, и сумка соскользнула к её ногам.

— Дженни, Джен, Дженевра... — ящер вновь потянулся к ней, но теперь она не испугалась — только коснулась когтя, точно принимая руку кавалера, и поднялась с земли. Воздух вокруг дрожал, и солнце высвечивало странные, пугающие лица. Женщина в строгом костюме облизала губы длинным синим языком. Кожа у старика рядом с ней потемнела и сморщилась, словно древесная кора, а глаза затопила болотная чернота. Ниже по улице кто-то бился на мостовой, подвывая и хрипя, пока прорастали крылья. Дженни должно быть, и сама изменилась, но в зрачках дракона отражался лишь привычный силуэт.

— Как... — слова оцарапали горло, — как долго?

— Нас не было? — ящер виновато вильнул хвостом, сметая жёлтую тележку с хот-догами. — Пару тысяч лет.

Джен задохнулась, в глазах у неё потемнело.

— Мы хранители магии, принцесса, её слуги и проводники. А магия иссушает. Нам нужен был отдых. Долгий отдых. И мы ушли.

— Ушли и забрали...

— Ушли и спаслись. Ваши чувства притупились, а тела забыли старое волшебство, это верно. Но мы напомним вам.

— Нет-нет-нет, подожди! Вы отправились в этот свой отпуск, — Дженни вздёрнула подбородок, — и оставили мир... таким? Позволили ему стать серым и безликим, с дурацкой картошкой фри, мизерными чаевыми и менеджерами вроде Стива! Вы!..

— Мы ушли, принцесса, но магия — пусть и сырая — осталась. Если кто и позволил миру стать таким, какой он есть, это вы.

— Но магия... — Джен стиснула кулаки.

— ... всегда была здесь. Просто вы разучились видеть.

Дженни тряхнула кудрями и отвернулась, смаргивая слёзы: отчего-то ей было сейчас очень больно.

— Полно, принцесса, — дракон нависал над ней, босоногой девчонкой в малиновой перекрученной юбке, и хрустальные башни смотрели на них тысячью окон. Мальчик справа от Джен поймал её взгляд и подмигнул ей, вильнув волчьим хвостом. Он ведь тоже вспоминает, подумала Дженни. И весь мир теперь вспоминает вместе с ними, утирая обидные слёзы.

Джен потёрла плечо, сминая буквы татуировки, закусил губу.

— И потом, я вижу, ты позабыла не всё.

Рука её замерла на чернильном “Принц”; Дженни нахмурилась, обернулась.

— Дракон?

— Ричард, принцесса.

— Что? Э-э... Хорошо. Ричард. А что драконы делают с принцессами?

Он тонко улыбнулся, и в глазах его заплескались искорки.

— Пойдём. Мы обсудим это за — как ты сказала? — картошкой фри.

И впервые за утро лицо Дженни просияло: она улыбнулась ему в ответ.

В день, когда вернулись драконы, было ещё по-летнему тепло, и солнце лениво щурилось сквозь облака на город.

Он тонул в волнах магии, прорастал шиповником, одевался ажурным мрамором и серебром. Старые жители с новыми лицами открывали его секреты, изучали его мосты. Мир казался им юным и волнующе диким.

В день, когда вернулись драконы, вернулась и память, а вместе с ней — забытое волшебство.

И тогда драконы забыли про отдых.

И попробовали картошку фри.

И остались.

Заря Утренняя (1 место)

№3.

Видовая терраса семизвёздочного отеля на тепломорском побережье неозначенной страны. Собравшиеся, — всё, как один, особы высокого полёта, — откушали деликатесный ужин и теперь сыто переваривают, украшая вечер светской беседой.

— И как можно было додуматься брать с собой детей в перелёт! Это бесконечные крики и капризные стоны с ума сведут. А когда у мелкой выпала соска, я готова была заколоться копьём или застрелиться из мушкетёра...

— Дорогая, из мушкета.

— Дорогой, я знаю. Нет, эти французские рыцари в винном соусе, безусловно, очень оригинальны на вкус, но кирасы и марионетки постоянно застревают в зубах...

— Дорогая, не марионетки, а морионы.

— Дорогой, я читала путеводитель, и там были именно марионетки. Да, застревают в зубах, и ещё так, знаете, противно похрустывают. То ли дело чешские: их кожаные панцири постоянно сбрызгивают пивом, и на огне образуется мягкая хрустящая корочка, весьма приятная на вкус, это называется крем-брюлизация...

— Дорогая, карамелизация.

— Дорогой, это ведь, кажется, мой крем-брюле получил диплом с отличием на ежегодной кулинарной выставке “Готовим с огоньком”, а не твой? Но самое пикантное — это крестоновцы под маринадом, обязательно попробуйте! Их вымачивают в солёной воде Миртового моря...

— Дорогая, Мёртвого...

— Дорогой, можно и мёртвого, если ты настаиваешь.

Мёртвого — значит, мёртвого, подумал официант и, встав на четвереньки, быстро ускакал на кухню.

Тем временем на кухне

— У нас заказ на парочку крестоновцев под маринадом.

— Чиво?

— КРЕСТОНОВЦЕВ!

— Ага. Чиво орать-то так?! — старый повар с поварешкой наперевес и белым колпаком на каждой из двух голов собрал все необходимые орудия кулинарии и направился к огороду.

— Может, уже поспели?! — вслух подумала первая голова.

— Чиво?

Повар, чьи изысканные блюда вошли во все гастрономические путеводители мира, отличался эксклюзивностью своих изобретений. А также он удивлял коллектив, несмотря на долготелее сотрудничество, тем, что при наличии двух голов на исключительно матерое тело, одна из них была много старше другой. Первая голова была элегантна, владела во всей мере аристократическими манерами общения, вторая же отличалась хромотой слуха и полной беспардонностью своего существования.

— ПОСПЕЛИ, ГОВОРЮ.

— Кого съели?

— СОЗРЕЛИ!

— Чиво?

Первая голова оглядела вторую и решила жестом указать на огород, где томились крестоновцы.

— ВОТ!

— Во. А крестоновцы-то поспели! Можно срывать их и нести на кухню. Ты займись, — обратилась вторая голова к первой, — а я пока подготовлю посуду.

Голова с первой шеи тихо кивнула, подождав пару секунд, убедилась, что вторая разразилась гортанной трелью, и направила тело на сбор крестоновцев.

Уже на кухне, очищая доспехи от ржавчины, повар заметил очень знакомые морды. И он готов был поклясться, что сейчас в зале, который обслуживала именно его кухня, сидела его наилюбимейшая племянница и её, по мнению первой головы, не самая лучшая партия, а по мнению второй, именно тот муж, который заслуживал быть убитым рыцарем, причем безоружным и пьяным, а ещё весьма мелкого роста и безруким. И племянницу он любил ни чуть не меньше своего дела жизни.

Чуть позже

— Невозможно уснуть, подушка какая-то комковатая. Не знай я стоимость номера, решила бы, что набита пыжиковыми ушанками! А ведь обещали страусовые перья из шлемов элитных венгерских гусар. Да и принцессы тут не первой свежести. С виду вроде ничего так, а стоит надкусить, как сразу показывает всё своё нутро. Не люблю таких. Толи дело раньше, всё сразу, в лицо. Таких и огоньком обдай, и на зуб возьми, им хоть бы хны.

— Дорогая, мне кажется, я знаю способ поднять тебе настроение.

— Я, конечно, иногда безумно хочу, чтобы тебя победил в поединке какой-нибудь рыцарь, особенно если ты начинаешь поправлять на людях мои ошибки, но когда ты делаешь вот так... О, дорогой, ещё! И вот здесь тоже!..

— Дорогая, а ведь насчёт детей ты была права. Быть может, оно и к лучшему, что они сейчас далеко, а значит, наверняка не узнают о наших шалостях. Но если тебе всё же хочется детишек, то я не против парочки новых...

Тем временем на кухне

— Ну всё, теперь он точно сдохнет, а утром они разведутся. Кавалерийская лава промахов не даёт.

— Чиво?

— В квестоносцев, говорю, гвоздей из лошадиных подков подмешал и вулканического пепла добавил. Помрёт в конвульсиях.

— Чиво?!.

— ФУАГРЫ ЕМУ ПОДКИНУЛ!

— Хе-хе, внучат захотелось?

— Сдурел, пень трухлявый? ИЗВЕСТИ ХОЧУ ЕГО!

— Эх, молодёжь... Учишь вас, учишь, а всё без толку. От фуагры-то конвульсии, да не те! Жди теперь к весне прибавления...

И старшая голова, глуховато хихикая, игриво двинула младшую скалкой в ухо.

Serlana и Преф (III место)

№4.

Дракон был в отпуске. Драконесса, сотрясая покои, кошмарно рыдала. Принцесса мчалась к Драконьему Околотку — в санях, запряжённых стаей диких уток.

Дракон Епифаний всегда отличался добротой и порядочностью. Не было в нём и ни капли фанфаронства. За что драконесса Аграфена и полюбила его N лет назад, встретив далеко-далёко на курорте с грязевыми ваннами. В сию любофь немножко затесалось и созвучие имён на брачной бересте... Его лихой хохолок на макушке... Фиалковые глаза... Жевание с закрытой пастью... И потрясающая в современном мире чистоплотность. Не залетит на обед, пока не ополоснётся в кристально чистой местной реке или под звонко капающим сталактитом в ванном гроте. А уж после того, как Аграфена опытным путём определила, что Епифаний каждый раз моет лапы после посещения туалетного оврага, откуда окрестные жители повозками таскали удобрения на приусадебные участки — дракона смело можно было причислять к лику дракосвятых. Ко всем имеющимся впечатляющим достоинствам, у него была страсть к чтению и к филигранной резьбе по дереву. Епифаний часто что-то заказывал по птичьему каталогу, охватывающему Драконий Околоток да и все прибрежные просторы на север, юг, запад и восток, что были под сенью святых правителей той благодатной земли. Почтовые вороны, тяжко груженные кипами книг и непонятными разнокалиберными склянками, прилетали каждую неделю. Для них даже обустроили гостевое гнездо в саду. А потом, в кабинетике под косматым дубом, дракон всё читал и читал, аккуратно поправляя пенсне на интеллигентной морде лица.

Жили они вместе долго и счастливо, минуло почти столетие, а о потомстве речи и не шло. Аграфена считала, что сперва нужно пожить для себя. А вот через пару столетий можно и о кладке с рождением задуматься. Счастье же — найти свою родную душу и жить гармонично во взаимном драконьем однолюбье — навсегда? Даже если порою взгляды на мир кардинально противоположные — это даже интересно. Но их как-то ничего не коробило в совместном времяпровождении. Там, где взаимная любовь, думалось дракошам — не бывает такого, что все иногдашние вопросы в итоге не решаются к взаимному равному удовольствию и согласию. Или это просто... Просто не любовь или и не дружба. Просто какое-то время ползли-шли-бежали-летели рядом по дороге судьбы. И легко, нейтрально или тяжело разошлись по разным сторонам. И такое бывает. Зачем нам Не Наши, что доказывается временем? Пусть катятся горошком или вальяжно шествуют по дорожке — кто как может. Конечно, канонично поплачется, погорюется, морды лица окутает печаль, но полноте очень долго страдать, зверятушки. Гоните Не Своих из дум в три шеи. Зачем нам Не Наши, даже самые замечательные? Это просто немного замызганные и помятые главы книги Судьбы. Отнюдь — не самые важные. Ладно б, если тиснённые золотом. Всё наладится. Это жизнь. Но нужно помнить, что всегда есть исключения. И каждый конкретный случай всё ж уникален.

Настоящая любофь — это вам не зверьёмаёшные зверосети, где для лаполайка вывешиваются на деревьях и кустах портреты со слюнявыми мордочками и иже с ними. Как частенько говаривали некоторые чудесные создания, скрываясь в звёздном небе: «Счастье любит тишину». Аграфене для счастья было достаточно Пафнутия. Пафнутий согласно кивал сидящей головою, обнимал и тискал жену, но по выходным мастерил из дерева люльки всем желающим в сказочном лесу. Светило солнце в синем небе днём, а по ночам дракошеньки — в том числе — любовались звёздами. Но однажды небо заволочло тучами. Беда пришла, откуда не ждали. На ежемесячное чаепитие с крендельками заявилась черепаха с корзинкой пищащих черепашек. И все, как один, были с хохолком на макушках. Дальше — больше. Отправилась Аграфена на местные бальные танцы и чуть случайно не раздавила муравьюху с младенцем муравьишкой, который со страху икнул и опалил Драконессе подол кружевной юбки. А когда она полетела на дневной променад к принцессе Лукерье, то по пути встретила орлицу с фиалкоглазым орлёнком. Погодя —

зайчиху с огнетушителем в одной лапе и зайчишкой, плюющим огнём, в другой. В тот день до принцессы она так и не долетела, отправив вместо себя почтовых воронов, весело позвякивающих непонятными склянками на лету. С некоторых пор в сказочном лесу то и дело раздавалась музыка этих склянок и в унисон звучал треск разрываемых документов о браке. Судья-барсук даже взял неплановый отпуск — так много было желающих разойтись. В записке же Аграфена указала, что ей пока не до променадов — кажется, Пафнутий стал изменником. Но это не точно...

Драконесса начала подозрительно поглядывать в сторону мужа. Перестала выходить в свет, ибо каждый день начала встречать странных детёнышей зебр, змей, лягушек, лисиц, броненосиц, кенгурих, шакалов. И кого только не. У неё пропал аппетит. С аппетитом пропало и настроение. Тортики разонравились. Она рыдала день и ночь, истратив все платочки. Пришлось перейти на отрезы для занавесей в каминном зале. Отказалась спать с Пафнутием на одном ложе и лететь на те самые далеко-далёкие грязевые ванны. Решила отпустить его одного, запереться в покоях и безутешно рыдать. Пафнутий не понимал, что с ней происходит. Переживал. Читал книги, но видел перед собою лишь бледную и измождённую аристократичную морду лица Аграфены. Терялся в догадках. Внезапно ему в мысли пришло озарение: «Точно! Так со всеми беременными! Я скоро стану дракоотцом! Счастье на мои седины! Наконец-то!» И в отпуске решил с тех самых благословенных мест, где далеко-далёкие грязевые ванны, доставить самого лучшего лекаря для будущих мам. Всё ж волнительно — в первый-то раз.

Где-то в покоях Драконессы: Лукерья сердобольно напекла пять видов тортов, которые Аграфена раньше обожала, и привезла с собою — дикие утки еле выдержали поклажу. Не спасло даже то, что она решилась пожертвовать своей диетой и скушать в пути один торт... С расчётами Лукерья всегда ошибалась, что с них взять, с принцесс. Румяные щёчки; длинные сиреневые шёлковые волосы, от которых шёл дивный аромат миндального молочка, чередуясь с лесными и луговыми травами; широко распахнутые золотые глазлица; наличие маломальской талии; тонкие запястья; изящные щиколотки; красивое платье по фигурке и довольно с них. Можно напрямик в музейные залы картин прекрасностей.

Но Драконессе было не до тортов. Вообще, она любила покушать, а торты обожала, но куда там, когда собственный любимый муж снабжает наследниками кого угодно, но не жену. Принцесса Лукерья не верила, что Пафнутий мог предать жену, памятуя о том, как он каждый раз смотрел на жену — с нежностью и любовью. Она тихонько напомнила драконессе, как однажды заезжее стадо баранов и овец проблеяло, что с такой любовью к тортикам Аграфена скоро не поместится в дверных проёмах, а её характер вообще оставляет желать лучшего, ибо она исчадие ада, а Пафнутий, хоть и был прирождённым вегетарианцем, хищно облизнулся и проревел, что если через час бараны с овцами не покинут Драконий Околоток, то на ужин будут шашлыки и новые покрывала в покоях. Возможно, останется и на шерстяные носки и коврики у ворот, чтобы всякая грязь оставалась там, где и следует — вне Драконьего Околотка.

— Помню! — горестно просипела Аграфена, сорвав от слёз голос. — Он говорил, что даже если весь мир ополчится против меня и начнёт обзывать, то он встанет позади меня и будет одной лапой подавать мне тортики, а другой тыквенные семечки для обстрела негодников и негодниц!

— А почему не тыквы? — подивилась принцесса. — Тыквами их! С сахарную голову! Да на такой скорости — сразу бы заткнулись зазверянцы.

— Лулу, синяки будут, жалко всё ж... Мы же мирные, ну... — Аграфена вздохнула и уткнулась в мокрые подушки. — Ничего не знаю. С прошлой недели меня мой Франц-Луи-Аверий-Фрол-Себастиан II обучает кун-фу панд, — Лукерья воинственно хмыкнула, но потом тоже вздохнула и опять задумалась. Сомневалась она, что така любофь — така

любофь внезапно исчезла. Там, где взаимная навсегда любофь — изменам места нет. В ином случае — сколь угодно. Не любя-то. — Ну и потом, — начала рассуждать вслух принцесса, — конечно, в Полночь все звери сказочного леса превращались в обычных людей, но... С броненосицами?..

— Позвольте, а что не так с броненосицами? — насупилась няня-броненосица из-за прятки в углу.

— Нянюшка, да Лулу не про Вас, она меня успокаивает, не обращайтесь внимания, — Аграфена, укоризненно взглянув на Лукерью, продолжила душераздирающе всхлипывать в подушку.

— Как не про меня, когда про меня? — не унималась няня-броненосица.

— Я не прямо про вас! Полноте придирайтесь, нянюшка! — Лукерья смущённо отошла к окну и начала елозить по нему пальцем.

— Да, знаете ли вы, что по молодости лет я была дюже хороша, даже Змоника Збелуччи не могла со мною сравниться! Да что там говорить! Меня рисовали для портрета в галерею святых правителей нашей земли! — тихонько всхрипывала старенькая броненосица.

— Кто такая Змоника Збелуччи? Она жива? — принцесса ревниво прищурила правый глаз и приподняла левую бровь до линии роста шёлковых волос. — Так это ты была на облаке с кнутом и пряником из Зшрека? То-то меня терзали смутные сомнения, портрет казался странно знакомым... Меня всегда интересовала судьба пряника — что с ним стало после позирования? — оживлённо приподнялась с подушек Аграфена и смахнула лапкой слёзы с бледной морды лица.

— Теперь ясно, почему тебя так долго и упорно вскармливала няня-кормилица... — пробормотала принцесса. — Седая няня-кормилица...

— Что-что? — грозно вспискнула няня-броненосица. — Это очень светлый пепельный блонд! И вообще, пошла бы да поела, Лукерья — развелось тут худосочных.

— Это кто тут худосочная? — возмутилась до глубины души Лукерья, одновременно выпячиваясь вперёд и прогибаясь назад, любуясь отражением в стекле. Справедливости ради, она никогда не была худосочной, платьям было на чём держаться окромя плеч. А по более-менее стройности стана и миловидности лица пускали слюни многочисленные принцы, рыцари и седые короли с бесом в ребре. Но до няни-броненосицы в молодости ей было далеко, как и почти всем обитательницам той благодатной земли.

— Ну не я же, — подмигнула няня-броненосица. — Ходят тут, выгибаются, вводят честной народ в заблуждение, а сами доски для стирки!

Лукерья обиженно засопела, потуже подтянула поясок на маломальской симпатичной талии и молча пошла за манной кашей, завёрнутой в капустные листья.

— Нянюшка, а с пряником-то чего? — Аграфена проморгалась от слёз, а то нянюшка расплывалась.

— История о том умалчивает, — блаженно улыбнувшись и погладив живот, проворковала няня, но через секунду насупилась. — Кто такой Зшрек? И кто жива? — няня побряхтывая торопливо просеменила к двери. — Не припомню. И вообще, у меня сон, а я и забыла. Старость — радость, если во сне молодеешь.

Не успела няня-броненосица протянуть лапу, как её отбросило дверью прямо на Драконессу.

— Посплю я сегодня или нет? — зевая, спросила в пустоту нянюшка и благополучно уснула сладким сном там, где и приземлилась. Пафнутий в ужасе уставился на кровать и ринулся обратно в дверь, вопя: «Лекарь! Тут бабуле плохо!».

Бабуле было хорошо, она просто не могла сказать об этом, ибо сладко уснула. А Аграфена не имела желания разговаривать с изменником-мужем. Скоро послышался топот ног и лап. В покои ворвался дремучий дедуля-броненосец, Пафнутий и Лукерья с кочаном капусты и плоской манной каши.

Дедуля-броненосец расплылся в улыбке. — Она даже храпит, как раньше! Нет, с ней всё в порядке, не переживайте, у неё ж бронь.

Присутствующие недоумённо уставились на броненосца.

— Это моя первая любовь, — пояснил он. — Такая девка была! Красоты природной неопишуемой. А потом понеслось. Захотелось ей ещё краше стать. Стала часто ходить к одному шарлатану. Волосы перекрасила. А родной-то цвет иссиня-чёрный! А потом вообще страх один. Раздуло, что и не обхватишь. Ладно б своё, так от шарлатана. Поклонники толпами под окнами серенады ей пели. Рисовали на картинах. Злато и серебро под ноги кидали. Ну, а я... Бедный и нищий. Расстались мы. Отправился я в путь-дорогу. Не было б со мною ей счастья. Такому бриллианту нужна огранка.

Аграфена с Лукерьей всплакнули.

— А она ж так и замуж не вышла. Родила сына да пошла в кормилицы и кукует который век тут со мною, — прошептала Аграфена. — Так она ж жертва шарлатана! — кочан капусты и плоска с манной кашей сиротливо были отставлены в сторону. — Он жив?! Дайте мне его! Будет знать, как девушек портить! Меня мой Франц-Луи-Аверий-Фрол-Себастиан II обучил кун-фу панд.

— Да помер он давно. И Евстратия сама к нему ж шла, волоком её не тащили... Так. А где у нас беременная жена?

Аграфена снова зарыдала, но уже с причитаниями: «Он ещё и женился! Многоженец!» Принцесса погрозила Дракону пальцем и отвернулась. Долго не выдержала, повернулась обратно и спросила: — Ты, может, всё ж не изменял, а, Пафнутий? Конечно, в тихом омуте черти водятся, но и черти-то твои все сплошь примерные.

— Что тут вообще произошло? Давайте по порядку. — Пафнутий удивлённо поправил пенсне на интеллигентной морде лица.

Аграфена подняла на него заплаканные глаза и с болью прошептала: — Из дому выйти нельзя... Вся малышня от муравьёв до слонов — вылитый ты... Как ты мог, Пафнутий! Ты ж всегда при мне, когда ты успевал предавать меня?..

— Аграфена, душа моя, это какая-то нелепая ошибка. Сейчас я полечу и всё выясню.

— Нет-нет, не нужно, — дедуля-лекарь-броненосец смущённо закашлялся. — Я, кажется, знаю, в чём тут дело.

И он рассказал, что нажил своё состояние на эликсирах. Рассылал по почте каталог для будущих мам. С характеристиками разных зверей. Выпьешь такого эликсиру, и дитё будет вылитым образцом из каталога. И что чаще всего была мода на драконов и львов. А в прошлом веке фаворитами были хамелеоны и вепри. Единственное Но — это кратковременность действия. И резкий негатив со стороны отцов. Лекарь-броненосец собирал статистику, и вышло так, что в тех землях, где он больше всего обогатился — больше пар разошлось. Кратковременность эликсира роли не играла, ибо все папаши были жутко оскорблены, что не они самые лучшие для жён. И теперь бродит лекарь по разным

землям и примиряет семьи, попутно зарабатывая на жизнь врачеванием. А всё богатство он раздал сиротам. Тем, к кому отцы так и не вернулись в семью. А эликсир по каталогу он больше не распространяет. Одна беда — шарлатаны перекупили часть бутылок, делают суррогат и наживаются на нём. И эффект становится не краткосрочным, а... Навсегда. Если не выпить противоядия.

— Какой ужас! — вскричали Аграфена, Лукерья и проснувшаяся няня-броненосица. — Нужно наказать шарлатанов!

Дальше был шум и гам много дней подряд. Почтовые вороны навели на шакалью поляну возмущённых зверей. Шакалы раскаялись и публично перебили все бутылки с контрафактным зельем прямо рядом муравейником. Хорошо, что все дамы-муравьи и дети-муравьи в это время толпою отправились на спа-процедуры и водные горки у реки. Мужчины-муравьи злостно покусали шакалов, но потом помирились. И всё закончилось хорошо.

У Аграфены с Пафнутием в скором времени навывулились 6 драконят. У принцессы Лукерьи и принца Франц-Луи-Аверий-Фрол-Себастиана II родились три сыночка и 3 лапочки-дочки. А броненосица Евстратия и броненосец Кондратий отправились в кругосветное путешествие в санях, запряжённых дикими утками. И жили они все долго и счастливо, во взаимной любви и тёплой гармонии во веки веков и присно. Навсегда.

Принцесса Снега